

СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВ

ПОИСКИ ТАКСИ

Сергей Витальевич Литвинов

Поиски такси

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9245541
Поиски такси: Эксмо; Москва; 2015

Аннотация

Сергей Литвинов известен как мужская половина литературно-криминального тандема, именуемого «Анна и Сергей Литвиновы». В соавторстве с сестрой написал более 40 книг. Однако он исполняет не одни только элементы парного катания: поддержки, тодесы, подкрутки, выбросы и пр. В сольном репертуаре Сергея имеется немало интересных фигур, в том числе каскады прыжков с последующим уверенным приземлением и длительным красивым скольжением.

Сергей Литвинов

Поиски такси

Я немного совершил в жизни поступков, которыми впрямь по-настоящему горжусь-горжусь. Общим числом, наверное, пять. А может, семь. В том числе тот, о котором вам расскажу. Но для начала, дорогие товарищи, давайте, как это принято в литературе (и как необходимо для понимания произошедшего), кратко обрисуем те обстоятельства времени, места и образа действия, что сопутствовали давнему, но столь важному для моей жизни решению. Итак, читатель, прошу за мной, в год одна тысяча девятьсот восемьдесят третий. Почему именно туда? Для меня восемьдесят третий стал годом судьбоносным и ярким.

В том году, весной, я женился – в первый раз и, как оказалось, единственный.

А следующей зимой у меня родился сын – как впоследствии выяснилось, тоже единственный.

И в восемьдесят третьем я круто поменял свою жизнь, сменив не только место работы, но и профессию. Был инженером-электриком и младшим научным сотрудником – стал журналистом.

Но не эти три эпизода моей биографии – женитьба, смена сферы деятельности, рождение наследника – являются объектом моей гордости. Если вдуматься, гордиться тут особен-

но нечем. Подумаешь, женился, родил ребенка или даже переменял профессию. Кто из нас этого не делал! Нет, предмет моей гордости совсем иной. И событие, после которого моя жизнь **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** переменялась к лучшему, из другой оперы. Но для начала несколько слов, чтобы обрисовать мое (а также державы нашей) существование в то довольно далекое время.

И сразу загадаю вам загадку: вот скажите, для чего в восьмидесятые человек, в высшей степени интеллигентный, редактор отдела в центральном журнале, носил с собой в дипломате пустой пакет из-под молока? Тогда уже появилось в продаже молоко «тетра-пак» – в привычных нам параллелепипедах. Так вот, такой использованный пакет, в сложенном виде, мой старший товарищ таскал тогда с собой в дипломате каждодневно. Люди, хорошо помнящие советские времена, думаю, без труда решат эту загадку. А тем, кто моложе сорока, боюсь, придется поломать голову.

А для того чтобы вы прониклись тамошними порядками, давайте и впрямь перенесемся в год восемьдесят третий, где автор этих строк, молодой человек с румянцем во всю щеку, входит в редакцию газеты «Лесная промышленность», находившейся в пяти минутах неспешной ходьбы от Красной площади, на улице 25 Октября (теперь Никольской). Рассказывать историю, почему я прибился тогда именно к этому берегу советской журналистики, долго и неинтересно, поэтому ограничимся констатацией: с восемнадцати своих лет я

сотрудничал с этим изданием. Прогремел очерком «Тропа Никиты Александрова» о леснике, что в годы Великой Отечественной повторил подвиг Сусанина. Не гнушался поденщиной о московских выставках и премьерах, писал юмористические рассказы – и вот наконец летом восемьдесят третьего я вошел в этот подъезд, как полноправный, **штатный** сотрудник. Или, как записано у меня в трудовой книжке – и это звание меня наполняет тихой гордостью, – корреспондент. Разумеется, газета «Лесная промышленность» звучала в те годы не так громко, как «Правда». И даже не как «Комсомолка». Но это была тем не менее настоящая, большая, **центральная** газета. И я, как полноправный журналист, получил тогда красные «корочки» (удостоверение) с золотым тиснением ПРЕССА – чем, разумеется, весьма гордился.

Редакция занимала тогда целый этаж в старинном здании неподалеку от ресторана «Славянский базар». Ходили легенды, что она квартировала в помещении бывшей одноименной гостиницы. Именно здесь останавливалась по приезду в Москву чеховская «дама с собачкой», тут навещал ее московский любовник Гуров. Теперь в «нумерах» дым стоял коромыслом – и в самом буквальном смысле тоже. О запретах на курение тогда никто не слышал, и журналисты дымили везде – непосредственно на своем рабочем месте. Исключения составляли начальственные кабинеты, а также обитатели с преобладанием женского пола: машинописное бюро, отдел писем и бюро стенографисток. А вообще в газете трудилось

тогда немыслимое для нынешних времен количество народу – больше ста человек. И это для того, чтобы выпустить три номера в неделю, каждый объемом четыре «больших» полосы – то есть двенадцать полос еженедельно. Нынче такую площадь забивают три-четыре журналиста. Ну, максимум десять.

Конечно, многие газетные профессии с тех пор, в связи с развитием техники, а также со сменой общественно-политической формации, сами собой ликвидировались. Например, не стало машинисток, перепечатававших наши опусы на электрических пишмашинках «Ятрань», – а ведь сидели четыре дамы в кабинете, обитом специальным, поглощающим звук покрытием. Канули в Лету стенографистки, что записывали особыми крючочками корреспонденции, что диктовали им по телефону собкоры. Собственные корреспонденты, кстати, имелись во всех основных лесных регионах страны, от Петрозаводска до Сахалина, было их человек пятнадцать. Исчезла с тех пор еще одна журналистская специальность: учетчицы писем – а ведь существовала их целая каста, настоящее украшение любой советской газеты или журнала: как правило, выпускницы школ, абитуриентки или студентки первых курсов журфака. На плечах столь юных особ, низшей редакционной когорты (зарплата – девяносто рублей в месяц) лежала утомительная обязанность регистрировать каждое письмо, приходящее в издание, – а их являлось множество, несколько мешков ежедневно. В дальнейшем эта

корреспонденция расписывалась по отделам, и на каждую цидулю, начиная от жалоб на ошибку в кроссворде и заканчивая изобретением новейшей сучкорубной машины, следовало дать в срок аргументированный и исчерпывающий ответ (а не можешь дать – перешли письмо по инстанциям). Имелась и еще одна замечательная специальность – ретушер: милая, в высшей степени интеллигентная дама тушью и белилами вручную улучшала фотографии. Нынче ее вытеснил безжалостный фотошоп. Да, технических работников в издании имелось немало – но и творческих тогда шаталось (шаталось – порой в самом буквальном смысле) по коридорам редакции изрядно. Материалы для газеты поставляли семь отделов, около сорока золотых, серебряных и стальных перьев – не считая собкоров.

И вот глядите: тогдашнее самое молодое перо газеты Сергей Литвинов, свежеиспеченный корреспондент отдела целлюлозно-бумажной промышленности, однажды утром входит в помещение редакции и с трепетом возлагает на стол руководителя отдела Вадима Дмитриевича С. свою первую в жизни критическую корреспонденцию из подмосковного города Ступина, с тамошнего картонного комбината. Вечера вечером, дома, когда уснула моя юная (но уже беременная) жена, я выводил, в порыве вдохновения, строки, бичующие руководство комбината за то, что гниет под открытым небом исходное сырье – макулатура, за то, что по территории комбината, никем не охраняемой, бродят все кому не лень,

а десятки работников предприятия доставляются в медвытрезвитель. Вадим Дмитриевич, в ту пору пятидесятилетний мужчина в самом соку (казавшийся мне стариком), с окладистой бородой а-ля Лев Толстой и намечающейся лысиной, немедленно проглядел мою рукопись на двенадцати листах крупным почерком, а потом произнес слова, наполнившие меня тихой радостью: «Годится», – вывел в углу свою визу: «Машбюро! На «собаке», срочно!» – и огладив свою бороду, проговорил: «Беги за бутылкой». И достал из кармана четыре рубля, заметив мимоходом: «Остальное добавишь сам».

Ах, Вадим Дмитриевич, Вадим Дмитриевич. Сердце мое наполняется тихой радостью, когда я вспоминаю его. Он воспитывал меня и школил, безоглядно делился темами, идеями, задумками, вычеркивал из моих материалов благоглупости и вписывал лапидарные формулировки. Иногда его заносило – например, в упоминавшемся материале о леснике, повторившем подвиг Ивана Сусанина, он украсил мой текст заключительной выпренной фразой: «В Сусаниных у земли русской недостатка нет!» – что случившийся другой мой старший товарищ, Анатолий Яковлевич О., ехидненько прокомментировал: «И в основном они работают в Политбюро ЦК КПСС». – Цену тогдашнему строю и нашему обществу сотрудники газеты знали.

Разумеется, и до того момента, по своей долгой внештатной работе в «Леснухе», я знал, что в стенах газеты порой выпивают. Но раньше, даже если такое случалось, от меня таи-

лись. А теперь – мне предлагалось стать если не зачинщиком, то деятельным участником пьянки. Причем с самого утра – часы только вяло подползали к отметке, когда алкоголь начинал продаваться в магазинах Советского Союза легально – к одиннадцати. Но тогда я расценил командирование меня за горячительным правильно – как инициацию, своего рода посвящение. Отказаться было решительно невозможно, предательски, порочно. И я взял Вадимовы четыре «рэ», добавил свои рупь тридцать и (водка стоила тогда пять рублей и тридцать копеек) спустя четверть часа, забросив предварительно в машбюро свой материал, явился назад в отдел с бутылкой «Столичной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.